

Глава 5

— Дядя! — взревел Фу Сиянь. — Ты пришёл!

Чу Шаоян даже не замедлил бега.

«Неужели этот боров всерьёз полагает, что я куплюсь на одну и ту же уловку дважды? — мелькнуло в его голове. — За трёхлетнего ребёнка меня держит, что ли?!»

— Что за шум и крики? Никакого почтения к уставу!

Голос Фу Сюаня, донёсшийся из-за спин собравшихся, заставил юношу резко затормозить. Груша, не ожидавшая столь внезапной остановки и не обременённая никакими путами, по инерции скатилась с его головы вперёд. Шаоян ловко перехватил её в воздухе.

Когда Фу Сюань двинулся вглубь плаца, толпа невольно расступилась. Генерал первым делом окинул быстрым взглядом Фу Сияня, смиренно застывшего в сторонке, а затем его взор, пронзая строй гвардейцев, впился в лицо нарушителя.

В ту же секунду Чу Шаоян почувствовал, как воздух вокруг него сгустился. Невидимые потоки ци, подобные ледяным водам глубокого моря, хлынули со всех сторон, сковывая движения и лишая воли. Он не мог пошевелить даже пальцем.

«Подавление аурой!»

Фу Сюань умудрился с идеальной точностью направить свою мощь сквозь толпу, целясь лишь в одну мишень. Подобный уровень контроля над внутренней энергией свидетельствовал как минимум о середине или даже конце Стадии Ваджры. Стало ясно: дядя Шаояна, Чу Гуан, застрявший на начальном этапе этой стадии на долгие годы, проиграл тогда Сюаню совсем не случайно.

Ху Юй, до этого прятавшийся среди сторонников Чу, понял, что внимание Фу Сюаня сосредоточено на нём. Делать было нечего — пришлось выйти вперёд.

— Обычное дело, генерал, — примирительно начал он. — Молодёжь полна рвения и азарта, вот и решили устроить дружеский поединок.

Будучи ровесником Фу Сюаня, Ху Юй мог позволить себе подобный тон, и звучало это вполне уместно.

Фу Сиянь тут же, с самым радушным видом, направился к сопернику:

— И не говорите! Брат Чу едва прибыл, а мы уже почувствовали такое родство душ, что он просто не мог не вызвать меня на бой. Что поделать — моё величие уже давно стало притчей во языцех, возвышаясь над миром подобно неприступному пику.

Чу Шаоян лишь зубами скрипнул.

Когда он пытался увернуться от рогатки Сияня, то отбежал довольно далеко, и теперь вокруг него образовалась пустота в несколько чжанов. Именно поэтому Фу Сюаню удалось применить подавление аурой так, чтобы никто из посторонних ничего не заметил.

Однако стоило толстяку приблизиться к нему, как Сюань тут же снял давление.

Юноша, внезапно обретший свободу, невольно качнулся. Груша выскользнула из его пальцев, но Фу Сиянь подхватил её у самой земли. Он с почти нежной заботой погладил плод, а затем, бросив мимолётный взгляд на макушку оппонента, лучезарно улыбнулся:

— Брат Чу — истинный талант нашего поколения. Мы сражались так яростно, что исход долго оставался неясным. Настоящий поединок равных!

«Равных?! — с яростью подумал Шаоян. — Я играю в вэйци, а ты — в крестики-нолики... Какой, к чёрту, достойный противник!»

Он понимал: они с дядей в корне неверно оценили Фу Сияня. Согласно их расчётам, после вызова у того было лишь два пути: либо принять бой и с позором проиграть на глазах у всех, либо струсить и покрыть бесчестьем весь дом Фу.

Никто и предположить не мог, что у сурового и правильного Фу Фу вырос столь беспардонный и толстокожий сын! Одной лишь шутовской выходкой он умудрился вдребезги разбить все их планы.

В душе Чу Шаояна бушевал шторм, ему безумно хотелось стереть эту самодовольную ухмылку с лиц обоих родственников, но обстоятельства были против него. Выдавлив из себя подобие улыбки, он произнёс:

— Брат Фу верно говорит. — Однако, не в силах сдержать горечь поражения, добавил: — Будущее впереди, и я искренне надеюсь, что у нас ещё будет шанс сойтись в настоящем бою.

«Раз будущее впереди, значит, и беспокоиться о нём будем завтра», — философски рассудил Сиянь и сладко пропел:

— Ах, не ожидал я, что брат Чу при первой же встрече так загорится желанием следовать по моим стопам. Быть выдающимся — это порой такая ноша...

Чу Шаоян промолчал, боясь сорваться.

«Не будь здесь твоего дяди...

Будь здесь мой дядя...

От тебя бы уже и мокрого места не осталось!»

Фу Сиянь, может, и не читал чужих мыслей, но в людских настроениях разбирался прекрасно. Поняв, что палку перегибать не стоит, он вовремя отступил к Фу Сюаню. Юноша уже поднёс было грушу ко рту, намереваясь откусить сочный кусок, как плод был безжалостно конфискован.

Фу Сюань, сжимая грушу в руке, окинул строй гвардейцев ледяным взглядом:

— У всех внезапно закончились дела на плацу?! Живо к тренировкам!

Толпа мгновенно пришла в движение, выстраиваясь в шеренги.

Чжу Юйда придвинулся к Сияню и прошептал:

— В этот раз мы дали маху, брат. Недоглядели.

Он всерьёз планировал проучить выскочку Шаояна, а в итоге едва не подставил своего подопечного. От осознания этого на душе у Чжу Юйды скребли кошки.

Фу Сиянь лишь похлопал его по плечу:

— Они пришли подготовленными. Даже если бы мы не дали им повода, они бы создали его сами.

Сотник на мгновение задумался, переваривая услышанное, и вдруг вскинулся:

— А ведь верно! Нужно выяснить, чья была затея с этим «приветствием». И этот Ху Юй... Скользкий тип, ох и глубоко же он копает!

Фу Сиянь посмотрел на удаляющуюся спину сосредоточенного Чжу Юйды, затем перевёл взгляд на сторонников Чу, о чём-то шептавшихся с Шаояном, и тихо вздохнул.

«В мире боевых искусств ты не принадлежишь себе. Для тех, кто ищет повода, само твоё существование — уже преступление, если ты попал сюда по связям».

Впрочем, после этого испытания авторитет Сияня среди сторонников его отца заметно вырос. Теперь в их глазах он был не просто «брешью в обороне», а брешью, способной при необходимости стать весьма эффективной заплаткой.

Сам Фу Сиянь, осознав свою новую роль одновременно и бага, и патча, лишь мысленно сокрушался:

«Премного благодарен за доверие, но пусть такое больше не повторяется!»

Разумеется, об искреннем восхищении речи не шло. Большинство гвардейцев были суровыми воинами, придерживавшимися правила: «Лучше расшибиться в лепёшку в честном бою, чем хитрить».

Нагрузка на тренировке в тот день оказалась вдвое больше обычной.

К концу смены в голове у Фу Сияня всё перемешалось: ныла спина, сводило ноги, ломило поясницу.

«Как же хочется принять ударную дозу кальция, закусить бадами для укрепления мозга и, усевшись на коленях у папочки, затянуть песенку о том, почему на небе так много звёздочек...»

Чжу Юйда догнал его у ворот:

— Четвёртый молодой господин, завтра у тебя выходной.

Лицо Сияня озарилось восторженной улыбкой:

— О, как это внезапно!

— Днём отдыхаешь, ночью заступаешь в караул.

Улыбка мгновенно сползла с лица Фу Сияня.

— Вот это действительно внезапно! — простонал он.

Чжу Юйда попытался подсластить пилюлю:

— Ночью дел немного, всегда можно выкроить время, чтобы вздремнуть часок-другой.

Но Сиянь уже столько раз водили за нос, что от его былой наивности не осталось и следа. Стены дворца высоки, дисциплина сурова, а враги из лагеря Чу только и ждут его промашки. Какой уж тут сон? Разве что моргать помедленнее... Увольте! Для человека его комплекции нарушение режима сна — прямой путь к окончательному подрыву и без того хрупкого здоровья.

Едва переступив порог дома, Фу Сиянь бросился к Фу Сюаню с мольбой о «кумовстве», прося избавить его от ночных бдений. А если бы дядя расщедрился на пару дней отпуска, чтобы он мог подлечить свою нежную душу, израненную коварством Чу Шаояна, было бы и вовсе замечательно.

Фу Сюань как раз собирался обсудить утреннее происшествие.

— Рассказывай, как именно он тебя напугал.

Тут уж Фу Сиянь развернулся вовсю. С величайшим драматизмом он расписывал коварство и жестокость противника, который буквально «загонял бедного ягнёнка в угол», особо упирая на свои душевные терзания и незащищённость.

— Короче говоря, — перебил его Сюань, — ты спасся только благодаря дешёвым уловкам?

Племянник обиделся:

— Дядя, мы ведь родные люди. «Дешёвые уловки» — звучит как-то неблагозвучно.

— Ха! Раз мы родня, думаешь, я буду подбирать выражения? — Лицо генерала стало суровым.
— Ты хоть понимаешь, какую глупость совершил?! Принять вызов от мастера на Стадии Закалки Костей! Если бы Чу Шаоян не был так молод и самолюбив, боюсь, к моему приходу мне бы пришлось заказывать поминальную службу по твоему телу!

Сиянь счёл, что дядя сгущает краски:

— Но там же было столько народу, и дядя Чжу приглядывал...

— И что? Ты хотел, чтобы из-за тебя в самом сердце императорского дворца завязалась кровавая резня, после которой нас всех отправили бы на плаху?

«Перебор, явный перебор», — подумал юноша, виновато опуская глаза.

— Неужели я настолько всем мешаю?

Фу Сюань холодно хмыкнул:

— У людей из клана Чу память долгая, а сердца — мелкие.

Именно поэтому он намеренно применил подавление аурой против юнца, переведя весь гнев Чу Шаояна на себя и отвлекая внимание от своего непутевого племянника.

— Значит, я снова всё испортил, пытаюсь казаться умным? — уныло спросил Фу Сиянь.

— Не бери в голову. Моя вражда с Чу Гуаном началась задолго до твоего появления, — смягчился Сюань, глядя на поникшего Сияня. — Завтра выходи на службу как обычно. Насчёт ночного караула я распоряджусь.

«Всё-таки хорошо иметь связи в верхах», — с облегчением подумал юноша и отправился в свои покои — дорабатывать рецепт мыла.

Тем временем Фу Сюань, переодевшись, направился напрямик к старшему брату.

Фу Фу в это время в своём кабинете дегустировал сладости, присланные наложницами. Завидев хмурого брата, он и сам помрачнел:

— Снова Четвёртый вляпался?

— Это сейчас не самое главное, — отрезал Сюань.

«Точно вляпался», — решил Фу Фу. Пирожное в его руках вмиг потеряло вкус, а взгляд невольно скользнул к стойке с мечами.

— У клана Чу намечается что-то серьёзное.

Слова брата заставили графа отвлечься от мыслей о порке сына.

— Вот как? — Граф Юнфэн нахмурился. — Чу Гуан ведь ещё не оправился от ран?

Фу Сюань вкратце пересказал утренний инцидент.

— Чу Шаоян — один из самых талантливых отпрысков их рода. Его появление в гвардии Юйлиньвэй — не просто случайность. Я уже попросил евнуха Чжана присмотреть за ними.

О том, за чем именно нужно присматривать, уточнять не требовалось. Фу Фу, теряя терпение,

спросил прямо:

— Из дворца до сих пор нет вестей о назначениях?

В последние дни в министерствах шла нешуточная борьба: кто-то шёл вверх, кто-то летел вниз, и только их дело застыло в какой-то неопределённости. Неужели этот пёс-император снова перестал вести себя по-человечески?

Граф немного помолчал, обдумывая ситуацию.

— Сяцин как раз ведёт переговоры о браке с домом Великого Защитника. Я велю супруге завтра же отправить визитную карточку и навестить госпожу Лю. Если нас поддержит Благородная наложница Лю, мы будем чувствовать себя в столице куда увереннее.

Фу Сюань удивлённо поднял брови:

— Брат? Ты серьёзно?

Фу Фу горько усмехнулся:

— У нашего государя великие амбиции. Если я и дальше буду держаться за старые порядки и затворничество, боюсь, я пушу по миру всё наследие поместья Юнфэн, накопленное за сотню лет.

Великий Защитник Лю Яньшэн был не просто чиновником — он рос вместе с императором, был его тенью и самым доверенным лицом. Если государь хотел чьей-то головы, Великий Защитник точил топор; если император уставал, Лю был готов подставить плечо. После смерти императрицы все дела внутреннего двора перешли к его сестре, Благородной наложнице Лю, что только подтверждало влияние их клана.

Угасающий род Фу смог зацепиться за возможность этого союза только благодаря тому, что Фу Лиань и один из внебрачных сыновей Лю были сокурсниками. Но даже после начала переговоров Фу Фу всё медлил, опасаясь гнева других знатных семей. Теперь же ситуация не оставляла выбора.

Что лучше: медленное увядание в тени или опасная игра на свету?

— Придётся обременить невестку, — вздохнул Фу Сюань.

Госпожа Фу происходила из древнего рода и была непревзойдённым мастером дипломатии. То, что многочисленная родня за столько лет не растащила поместье по кусочкам, было целиком её заслугой. Жаль только, что в последние годы, когда влияние семьи в высшем свете сошло на

нет, её таланты оставались невостребованными.

Пока госпожа Фу готовилась к триумфальному возвращению на дипломатическую арену, в другой части поместья Фу Сиянь с благоговением взирал на кусок застывшего мыла. Собственный интеллект внушал ему искреннее почтение.

— Я определённо... светило прогресса этой эпохи!

Он в экстазе вытянул руку, ловя ладонью лучи заходящего солнца. Вечерний свет мягко подчеркнул пухлые контуры его пальцев.

— Какое же это чудо — мои золотые руки! — возопил он.

— Молодой господин, — раздался за его спиной бесстрастный голос слуги, — а этой штукой пользоваться так же, как обычным обмылком?

Фу Сиянь мигом очнулся от грёз и, обернувшись, едва не лишился чувств. Слуга уже стоял рядом с тазом воды, намереваясь немедленно опробовать новинку в деле.

— Что ты творишь?! А ну положи на место! Давай без глупостей!

Сиянь осторожно, как величайшую святыню, изъял из рук опешившего слуги плод своих многодневных трудов, на который было потрачено столько сил, хитрости и терпения. Он не удержался: погладил его, понюхал... и даже рискнул лизнуть языком.

— Бе-е-е! Кха... О-о-о-о!

Фу Сияня едва не вывернуло наизнанку.

<http://bllate.org/book/15317/1354469>